Для цитирования: Олейник В. А. Темпоральное обоснование онтологической дифференции М. Хайдеггера: одновременность // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 30—39. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39

УДК 111.1+115+128

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ОДНОВРЕМЕННОСТЬ

Олейник Варвара Андреевна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры философии гуманитарных факультетов,
магистр философских наук.
Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: varvara994@yandex.ru.

Аннотация

Введение. В статье рассматривается онтологическое различие в качестве ключевого положения, разделяющего онтологию М. Хайдеггера на два уровня. В статье предлагается экспликация темпоральных оснований главного принципа фундаментальной онтологии — онтологического различия — на основе экзистенциальной аналитики Dasein. Предполагается, что организация Dasein является микромоделью бытия вообще, которое является конечной целью философской работы М. Хайдеггера.

Цель. В результате философского анализа эксплицировать феномен одновременности в качестве онтологического основания временности Dasein.

Методы. В статье применяются герменевтический и феноменологический методы. Общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование.

Научная новизна исследования. В ходе анализа самости как экзистенциального центра Dasein выявляется онтологическая двойственность первой и, как следствие, всей модели экзистенции. Проанализирован феномен бытия к смерти в контексте проблемы экзистенциального разрыва в основании самости Dasein, которое порождает различие в способах бытия Dasein — подлинное и неподлинное; рассмотрена и проанализирована целая структура временности Dasein в свете тезиса о конечности человеческого существования. На основании этого выявляется ключевая роль одновременности, которая становится онтологически первоначальным понятием в отношении целой системы бытия Dasein и, соответственно, фундаментальной онтологии. Высказывается предположение, что онтологическое различие основывается на более фундаментальном принципе темпорального синтеза.

Результаты. Была представлена модель структуры экзистенции Dasein на основании двойственного характера самости, к онтологически определяющей специфике организации которой относится одновременность.

Выводы. Темпоральное обоснование онтологического различия выявляет особенность фундаментальной онтологии, которая заключается в специфически преобразованной диалектике бытия и ничто. Исследование показывает, что фундаментальная онтология предлагает нетипичный подход к проблеме времени.

Ключевые понятия:
временность,
онтологическое различие,
самость,
Dasein,
самовоспроизводство.

Введение

Мартин Хайдеггер — одна из самых резонансных и противоречиво оцениваемых философских фигур своего времени и современного периода — приобрел этот статус не столько своими философскими изысканиями, сколько недолгим периодом ректорства во время фашистского режима в Германии. Как следствие, на волне хайпа, связанного с относительно недавней публикацией «Черных тетрадей», в академической среде вопрос о вероятной политической ангажированности его главного труда «Бытия и времени» из разряда предположений перешел в разряд фактов. Важно вспомнить, что публикация этих дневниковых записей состоялась вопреки завещанию М. Хайдеггера, то есть до выхода полного собрания сочинений. Это упоминание можно назвать существенным по двум, на наш взгляд, причинам. Во-первых, предвосхищая бурную реакцию публики, М. Хайдеггер понимал, что эта публикация впоследствии будет накладывать отпечаток на все его философские произведения. Во-вторых, согласно статье А. Л. Фомина, проект фундаментальной онтологии включал в себя разработку не только непосредственно онтологии, но также предполагал и культурологическое расширение, на основе этой онтологии [12,с. 34—35; 37]. В связи с этим Черные тетради — это богатый и ценный материал для философского исследования исторической экзистенции в её динамике, которое еще предстоит совершить в будущем, когда, вероятно, наши ценностные идеалы претерпят ни одну культурную революцию. При всей злободневности и актуальности данной темы, к сожалению, мы считаем, что выносить приговор М. Хайдеггеру и его философским идеям рано, а потому речь в данной статье пойдет не об этом.

Методы и материалы

В данной статье мы будем руководствоваться историческим и аксиологическим нейтралитетом в отношении фундаментальной онтологии и рассмотрим одну из самых важных аксиом философии раннего М. Хайдеггера. Речь идет об онтологическом различии. Онтологическое различие — различие между сущим и бытием — устанавливается М. Хайдеггером с целью ввести в поле философского размышления бытие в качестве самоценного и единственного, по мнению М. Хайдеггера, вопроса философии. «Что есть бытие без сущего?» — так можно резюмировать главный хайдеггеровский вопрос. Онтологическое различие в этом смысле призвано утвердить феномен бытия в качестве главной темы и проблемы, на решение которой будет ориентироваться фундаментальная онтология. С одной стороны, справедливо будет утверждать, что здесь онтологическое различие имеет формальный и даже декларативный характер. Однако в то же время этим утверждением М. Хайдеггер делает бытие феноменом проблемного смысла. По мнению М. Хайдеггера, философы всех времен всегда говорили о бытии, даже в те философские эпохи, в которые, согласно М. Хайдеггеру, эта подлинная основа и проблема философии была скрыта за тематизацией видов сущего. Бытие в данном случае выступает в качестве феномена с неисчерпаемым перманентным (непрерывным) возобновляющимся источником философского интереса. Подобная функция позволяет говорить об онтологическом различии уже не только как о формальном принципе, но и как о важном методологическом положении хайдеггеровской феноменологии.

Различие, о котором идет речь, задает двухуровневую структуру онтологии М. Хайдеггера. Структура такого типа прослеживается на всех этапах экзистенциальной аналитики — первой стадии фундаментальной онтологии. Самым репрезентативным примером этого будет различие между собственным и несобственным способом существования Dasein[1], к которому мы предлагаем обратиться в этой статье.

Онтологическое различие и самость Dasein

В описании Dasein М. Хайдеггер стремится фиксировать онтологические константы организации экзистенции в ее феноменологически чистом виде, в виде самопроявляющегося чистого бытия. В этом смысле, Dasein представляет собой модель рефлексивного самовыявления, самопорождения, поскольку область экспликации фундаментальных элементов её структуры — экзистенциалов — производится из её же собственной первичной феноменальной данности — повседневности (Alltäglichkeit). Анализируя

[1] Вслед за Н.А. Артёменко «Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материал “Бытия и времени”)» в статье в большинстве случаев я буду использовать термин «Dasein» без перевода. В некоторых частных случаях используется перевод этого термина, предложенный В. В. Бибихиным, «присутствие».

способ бытия Dasein в повседневности, М. Хайдеггер сталкивается с трудностью, которую можно назвать первой характерной чертой бытия Dasein — двойственность самости. Бытие Dasein в самой своей общезначимой и широкой характеристике получает у М. Хайдеггера именование бытие-в-мире. Вся совокупность интенциональных связей, обеспечивающих поддержание семантической целостности и значимости того, что Dasein называет «своим миром», формирует определенную привычку самовосприятия и самопонимания своего рода псевдосамость, некто-самость, (Man-selbst) в терминологии М. Хайдеггера. Псевдосамость является феноменологическим описанием несобственного способа существования Dasein. Несмотря на то, что она сама по себе не является целью экзистенциальной аналитики, она тем не менее является её важным, с феноменологической точки зрения, промежуточным этапом, поскольку свою организацию псевдосамость приобретает на основании подлинной самости экзистенции.

Самость является более фундаментальным пластом экзистенции и вместе с тем более темным феноменом этой онтологии. Феномен самости, наверно, занимает место самого запутанного и тавтологичного феномена экзистенциальной аналитики. Во-первых, по причине многогранности и многосоставности его конституентов. Неотъемлемыми составляющими самости являются феномен бытия-основанием, бытия-виновным и онтологической возможности, которые так же имеют круг в определении, если рассматривать их с точки зрения формальной логики. Вторая трудность в феномене самости заключается в том, что все её конституенты получают описание через ссылку друг на друга или на самость — и наоборот, практически лишая самость самостоятельного определения.

Однако логический круг в определении М. Хайдеггер определяет как герменевтический круг и полагает его в качестве онтологической специфики организации Dasein. Принцип онтологического круга, который М. Хайдеггер закрепляет за экзистенцией, придает феномену подлинной самости оттенок парадоксальности. Круг и парадоксальность самости не являются для экзистенции чем-то негативным, в смысле отрицательного результата, наоборот, именно они являются ее подлинной стихией, то есть феномен самости черпает свое содержание из такого рода парадоксальности и своего рода негативности. В этом можно убедиться уже на этапе своеобразного феноменологического эпохе несобственного способа существования Dasein — бытия к смерти (Sein zum Tode), впервые проявляющего упомянутую подлинную самость. Феномен бытия к смерти имеет ключевое значение в экзистенциальной аналитике и множество сопряженных с ним функций, которые обеспечивают онтологию радикальной самотрансформации Dasein. Тема смерти в философии М. Хайдеггера неоднократно становилась предметом исследования многих современных работ[1], однако в данной статье мы затронем только ту ее функцию, которая относится непосредственно к теме нашей статьи.

Бытие к смерти и двойственность самости

В феномене бытия к смерти М. Хайдеггер объединяет две сюжетные линии саги о восхождении Dasein. Первая касается непосредственно самой проблемы смерти и её места в решении вопроса о полноте феномена экзистенции. Смерть здесь фигурирует в контексте конечности человеческого существования как проблемы предельного опыта экзистенции. Вторую — смерть берет на себя уже в качестве обнаружения онтологического основания экзистенции Dasein в целом — временности.

Смерть в первом своем значении обыгрывается М. Хайдеггером через проблему конечности. Проблема конечности человеческого существования в экзистенциальной аналитике представляет собой комплекс взаимосвязанных феноменов, посредством которых она приходит к своему феноменальному единству. В контексте этой проблемы проявляется онтологическая специфика архитектоники экзистенции в философии М. Хайдеггера. Смерть выбирается в качестве самодостаточного феномена и трактуется как понимание конца своего бытия. Здесь экзистенция сталкивается с невозможностью быть. Подобное самораскрытие становится решающим для экзистенции и несет на себе фундаментальное ее определение, поскольку смерть как самодостаточный комплексный феномен — экзистенциал — тре-

[1] Стоит упомянуть несколько работ, посвященных этой теме: Поздняков М. В. Анализ смерти как феномена экзистенции в «Бытии и времени» Мартина Хайдеггера // Альманах гуманитарных исследований. 2014. С. 13—33; Силенин И. А. Смерть как эксплицирующий свободу экзистенциал в философии М. Хайдеггера // Проблемы философии: история и современность : сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2018. С. 136—138 и т. д.

бует некоторого онтологического центра, собирающего свои составляющие воедино. В данном случае смерть обладает онтологической функцией в отношении экзистенции. Экзистенция раскрывает свое бытие как бытие, понимающее неотвратимость собственного конца. Помещая экзистенцию в ситуацию полной изолированности от интенций сформированного мира, — все его семантическое единство и ценностное значение ликвидируется (редуцируется), — смерть тем самым вынуждает экзистенцию решиться на то, чтобы выдержать это бремя понимания своего бытия в качестве ничтожного, то есть обратиться к подлинному основанию своего бытия, подлинной самости. Подобный опыт предела задает феноменальный горизонт экзистенциальной аналитики и с этого начинается раскрытие специфического региона онтологии.

В этом смысле, Dasein — это бытие с терпким послевкусием собственной ничтожности. В феномене смерти так же можно проследить онтологическое различие, которое М. Хайдеггер проводит через сравнение умирания (Sterbens), присущего исключительно Dasein, и околевания (Verenden), свойственного животному. В отличие от околевания умирание является характеристикой смерти Dasein, за которым она закрепляет статус специфического сущего. Уникальность смерти Dasein состоит в том, что перспектива расставания с жизнью становится онтологическим событием утраты бытия, где акцент ставится на бытие, а не на прекращение функций тела. Бытие Dasein на примере умирания предстает в качестве уникальной модели бытия, где бытие разыгрывается в перспективе неотчуждаемого ожидания ничто. Характерно так же и то, что Dasein только и получает собственную полную онтологическую самодостаточность, самостность (Selbstheit), из такой неотчуждаемой диалектики бытия и ничто. Dasein — это образ экзистенции, выявляющейся из контрастов, из фазы перехода бытия в ничто и ничто — в бытие. Само бытие в качестве Dasein представляет собой опыт предела. Подобное балансирование на границе бытия и ничто[1] позволяет Dasein занять свое привилегированное положение в фундаментальной онтологии.

Парадоксальность ситуации, где бытие способно реализоваться только из ориентации на ничто[2], воплощается в понятии бытие-самостью (Selbstsein) и наделяет Dasein ещё одной характерной чертой — разрыв в основании самости. Разрыв в основании проникает и на уровень экзистенциальной организации Dasein, что проявляется в различии между собственным и несобственным способом существования. Выявление себя в качестве подлинной самости, рожденной из своей смерти, обнаруживает вместе с тем и принципиальную недоступность этой самости в первичном способе бытия Dasein — повседневности, в которой Dasein существует в режиме некто-самости das Man (люди). Экзистенциальная амбивалентность, внутренний конфликт из-за неспособности быть самим собой, исходить из собственной самости, и необходимость возвращения в область повседневности проявляет такую ключевую особенность бытия-самостью, как бытие-основанием — сосуществование двух способов бытия Dasein.

Различие между некто-самостью и подлинной самостью является для Dasein фундаментальным, поскольку из этой антиномии М. Хайдеггер достигает полного определения феномена экзистенции, путем феноменологической экспликации подлинного способа существования, подлинной самости — концептуального центра идеи экзистенции. Оба этих способа бытия являются равноценными в общей структуре феномена экзистенции Dasein. Самость с необходимостью должна балансировать на грани этой раздробленности своего основания, в качестве которого была выявлена диалектика бытия и ничто. Также М. Хайдеггер наделяет самость своеобразным самоотчуждением, поскольку она обладает характером «никогда не быть из своей собственной экзистенции». Эти две ключевые характеристики наделяют самость способностью осуществлять экзистенциальный синтез противоречивого основания Dasein. Этот принцип функционирования является для неё феноменально конститутивным и структурообразующим. Собственное онтологическое содержание самость приобретает в качестве смещения. Подлинная самость является условием и экзистенциальным основанием возможности некто-самости, в способе бытия которой Dasein большей частью и существует. По своей структуре некто-самость повторяет канву подлинной самости, за тем лишь различием, что первая не способна на рефлексию, которая для второй является её основной

[1] «Вся проблема заключается в том, чтобы на грани ничто обозначить <...> это ничто, на грани пустоты начертать невидимый знак <...> пустоты, на грани безразличия сыграть по таинственным правилам безразличия». [3, с. 19].

[2] В данном случае «ничто» трактуется как «ничто из сущего», которому соответствует нулевая или чистая интенциональность Dasein.

задачей или, правильнее будет сказать, задачей её основания. Подлинная самость, будто на время отступает в настойчивости своего экзистенциального слома, чтобы дать возможность псевдосамости самореализоваться, но сохраняет при этом полноту (актуальность) своего онтологического значения. Она заглушает собственный голос только для того, чтобы еще громче заявить о себе. В подобном отступании, самозамещении и рефлексии в основание себя можно обнаружить эту онтологическую квинтэссенцию самости в качестве смещения.

Различие самости не только не нивелируется, но целенаправленно подчеркивается в экзистенциальной аналитике. Объединение антиномически приближенных и диалектически удаленных антагонистов происходит в конституенте бытия к смерти — зове совести. Зов совести в системе отношения «смерть — самость» является началом специфической экзистенциальной рефлексии Dasein к собственной самости, которая наделяет её функцией интеграции этих двух несовместимых режимов существования Dasein. Интеграция позволяет самости полноценно функционировать в качестве рефлексивного ядра экзистенции. Таким образом, самость как смещение и как интеграция с псевдосамостью посредством феномена совести обладает парадоксальной структурой, которая предполагает некоторую онтологическую предпосылку и обоснование такого своего строения. Подобной онтологической предпосылкой выступает, на наш взгляд, одновременность. Одновременность можно предположить в качестве первостепенной онтологической характеристики уже для целого фундаментальной онтологии на примере самости и принципа ее организации (раздробленность на подлинную самость и некто-самость), а также её полного онтологического определения, в качестве которого было указано смещение. В феномене самости было выявлено первое свойство смерти, — конечность как основание бытия Dasein — которое обнаружило одновременность как предпосылку архитектоники самости экзистенции и Dasein в целом.

Смерть и временность

Второе значение смерти как инобытия экзистенции М. Хайдеггер закрепляет за временностью Dasein. Обнаруженное проблемное ядро экзистенциальной дилеммы Dasein возводится к основанию своего единства, к некоторой общезначимой метаструктуре — временности. Временность в этом смысле аккумулирует в себе проблемное содержание как экзистенциального, так и структурно-онтологического уровня. Смерть как забегающая решимость (vorlaufende Entschlossenheit) проявляет основание самой интенциональной структуры понимания (Verstehen) Dasein, т. е. основание её возможности. В понятии наброска временность раскрывается с позиции экзистенциального значения. Здесь она представляет описание закономерности поведения системы интенциональной семантики мира и экзистенции. К этой области принадлежит полная структура заботы (Sorge). Однако нас интересует не эта очевидная полезность временности как экзистенциального основания смыслообразования и понятийного мышления, а её собственные характеристики как системы, задающей уникальные черты этой онтологии. Черты того, что М. Хайдеггер называет «Zeitigungsstruktur der Zeitlichkeit» [20, с. 332] (структура временения временности). В структуре временности формируется принцип интенциональной связности, это особенность отличает ее как структуру. Временность определяет типы связей между семантическими элементами и их вариативность, но она не становится этими элементами и не порождает их; она только задает схему того, что мы называем миром. Временность способна формировать тип и характер связи, благодаря чему возможно понимание (Verstehen). Однако оригинальным и в полном смысле уникальным своим строением временность обязана вариативности, которая проявляется в способности образовывать новые семантические связи и рекомбинировать уже имеющиеся. В вариативности, которой отличается временность, можно убедиться на примере все той же амбивалентной самости.

Самость как центр экзистенции дробится, в результате чего на примере этой метаморфозы экзистенции обнаруживается различие на уровне онтологии. Первому уровню онтологии самость принадлежит в качестве некто-самости. Самоотчужденная и, в этом смысле, закрытая от самой себя, экзистенция движется в слепом предположении о мире. Создавая свой мир как нарратив[1], самость тем самым приобретает

[1] Здесь уместно и актуально будет сослаться на философскую герменевтику Поля Рикёра, которая сложилась под влиянием философии Г.Марселя, К.Ясперса, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Идея нарратива у П. Рикёра продолжает линию развития философского осмысления проблемы понимания. На наш взгляд, мир, конструируемый псевдосамостью, представляет собой нарратив в качестве

первичное феноменологическое поле самоинтерпретации — повседневность. Нарратив псевдосамости предполагает различные способы самоинтерпретации и воссоздание своего мира. В этом перманентном процессе экзистенция, время от времени выбирая себя[1], находится в положении самовоспроизводства бытия, которое выражает идею вариативности в её экзистенциальном срезе. Понятие самовоспроизводство именует процесс возобновления и приведения в действие семантического интенционального комплекса, который М. Хайдеггер называет наброском, или проектом (Entwurf). В феномене наброска М. Хайдеггер стремится соединить идею понимания, в основе которой лежит идея гуссерлевской интенциональности, примененная к проблеме экзистенции — с утвержденным им самим тезисом о первостепенной роли времени в фундаментальной онтологии, о которой философ заявил в начале своей главной работы [см. 13, с. 17—19]. Другими словами, набросок — это феномен понимания с акцентом на его темпоральность. Набросок регулирует любые отношения экзистенции, что предполагает взаимосвязи не только с миром, подручным, Другим, но также с собственной самостью. Отношение экзистенции к собственной самости в её двойственном характере с точки зрения М. Хайдеггера должно было представить феноменологически ясную картину чистой структуры экзистенции. В качестве такой чистой структуры экзистенции проявила себя темпоральность. Темпоральность воплощает в себе идею способа имманентного поведения сложноорганизованной структуры интенциональности экзистенции. К собственной характеристике темпоральности относится ее способность к модифицируемости, основанной на ней, структуры заботы и вариативности способов взаимодействия семантических кластеров наброска. Общее поведение структуры темпоральности наброска в целом говорит о самовоспроизводящем характере бытия Dasein. Dasein как структура самовоспроизводства предполагает, что она объединяет в себе и производство себя из бытия — собственной самости, и воспроизводства порядка Das Man, и самовоспроизводства себя в целом как заботу (Sorge) в объединении первого и второго, что полностью описывается имманентной структурой темпоральности. Здесь необходимо заметить, что соизмеримость и соответствие компонентов структуры самовоспроизводства Dasein, их взаимное преобразование и функциональная зависимость, составляют идею вариативности в её онтологическом смысле.

интегративной картины повествования «истории жизни», объединяющей разрозненные элементы самовосприятия и самоописания и подчиняющей их общей логике нарратива. Такой нарратив всегда является незавершённым, а потому он постоянно дополняется и рефигурируется.

[1] «Выбирать себя» в экзистенциальном плане по своему смыслу приближается к тому, что Ж.-П. Сартр называл выбором личности: «Следовательно, в том, что мы назовем миром непосредственности, который дается нашему нерефлексированному сознанию, мы не появляемся вначале для себя, чтобы быть потом брошенными в дела. Но наше бытие находится непосредственно «в ситуации», то есть оно появляется в делах и познает себя с самого начала в том, как оно отражается в этих делах. Следовательно, мы открываемся в мире, наполненном требованиями, внутри проектов, «в ходе реализации»: я пишу, я собираюсь курить, у меня свидание вечером с Пьером, нельзя, чтобы я забыл ответить Симону, я не имею права скрывать дальше истину от Клода. Все эти незначительные пассивные ожидания реального, все эти банальные и повседневные ценности получают свой смысл, по правде говоря, от первоначального моего проекта, который является моим выбором себя в мире. Но как раз этот наш проект в направлении первичной возможности, который обусловливает существование ценностей, звонки, ожидания и вообще мир, появляется для меня только по ту сторону мира как смысл и логическое, абстрактное значение того, что мною предпринимается. В остальном конкретно существуют будильники, надписи, декларации о доходах, полицейские — столько опор против тревоги. Но как только дело удаляется от меня, как только я отсылаюсь к самому себе, поскольку я должен ожидать себя в будущем, я открываюсь сразу как тот, кто дает свой смысл будильнику, кто запрещает, исходя из надписи, ходить по газону или по грядке вокруг цветника, кто готов выполнить приказ начальника, кто решает, будет ли интерес к создаваемой им книге, кто, наконец, делает так, чтобы существовали ценности, требованиями которых определяется его действие» [11, с. 75].

Онтологическое различие и одновременность

М. Хайдеггер помещает экзистенцию в идеальное, с точки зрения своеобразной феноменологической редукции, положение, которое называет ситуацией (Situazion). Основной результат последней — это выявление двойственной природы самости. Подобная двойственность задает экзистенции её онтологическую проблематичность, но в то же время наделяет её онтологическим преимуществом. Настоятельность временности в качестве онтологического основания экзистенции Dasein и, следовательно, самости распространяется на идею самости в целом. Структура наброска присутствует как

у подлинной, так и у неподлинной (некто-самость), самости. Временность в качестве наброска детерминирует поведение самости в виде общей для экзистенции Dasein структуры. В этом смысле временность как единообразный принцип регулирования притязаний самости на трансценденцию[1] условно «снимает», если говорить гегелевским языком, обозначенную двойственность. Однако это справедливо только для структуры понимания, повторяющейся у обоих типов самости. Этот дуализм самости не может быть устранен на онтологическом уровне, поскольку он присущ ей по определению. Быть самостью — это быть в основании себя ничтожным, говорит М. Хайдеггер[2]. Дуализм самости является неотъемлемой фундаментальной чертой её основания, а вместе с ним и основания Dasein. Самость обречена на такое существование, а потому её судьба заключается в постоянном чередовании обоих типов самости и балансировании на грани конфликта их интересов. Таким образом, основополагающей онтологической доминантой в вопросе структуры самости и, соответственно, экзистенции становится одновременность.

С понятием одновременности можно связать второй уровень онтологии. Одновременность — это, на наш взгляд, наиболее точная характеристика онтологии, на которой основывается идея Dasein. На примере самости были рассмотрены особенности временности как основания Dasein. Одновременность в этом контексте проявила не только экзистенциальное значение, но и более важную онтологическую роль. Одновременность есть характеристика аутентичной структуры временности, т. е. того, что М. Хайдеггер назвал «временение временности». Одновременность можно назвать наиболее удачным понятием в плане описания подлинной временности, поскольку это согласуется с хайдеггеровской идеей временности — это экстатичное единство. Временность временит в единстве своих экстазов. Единство, о котором в данном случае говорит М. Хайдеггер, складывается из определенной процессуальности, это единство во взаимодействии. Взаимодействие трех экстазов между собой составляют основу идеи единства временности. Онтологическая роль одновременности заключается в том, что она является несущим элементом идеи временности, которая обеспечивает концептуальную целостность онтологии страдающего существования, т. е. онтологии Dasein.

Понятие одновременности является переходным звеном, объединяющим два онтологических уровня. Однако возникает вопрос «в чем же суть различия и почему оно должно стать темпоральным?». Резюмируя весь представленный в этой статье анализ, можно утверждать, что экзистенциальная насыщенность феномена самости черпается из проблематики ничтожности существования Dasein. Ничтожность буквально наполняет смыслом такое существование и тем самым помещает Dasein в разряд исключительного сущего. Опыт смерти, опыт ничто, в забегающей решимости проявляет раздробленность основания самости, в котором предельная ситуация раскрывает экзистенцию как ничто из сущего. Экзистенция — это уникальное существование, понимание этого моментально исключает человека из разряда сущего-предмета. Экзистенция в основании своего бытия есть ничто. Парадоксальность этого момента составляет основной нерв фундаментальной онтологии. Что значит «быть из ничто»? Как такое возможно? И возможно ли? Возможно. Как экзистенция. Экзистенция есть такая возможность быть ничто, но возможность, опять же, онтологическая. Экзистенция — это умирающее бытие; это бытие, уходящее в ничто и понимающее это. Dasein — это репликация бытия и ничто. И эта репликация происходит на основе одновременности. За счет понимания, которое М. Хайдеггер называет фундаментальным экзистенциалом[3], экзистенция приобретает онтологическую полноту ввиду того, что она есть одновременно и бытие, и ничто.

[1] М. Хайдеггер понимает трансценденцию через априористический перфект, т. е. то, что является условием возможности любого вида взаимодействия Dasein с миром. Мир в данном контексте понимается в широком смысле, под которым подразумевается четвертое определение М. Хайдеггера, которое он дает на странице 65 «Бытия и времени»: «Мир означает наконец онтологически-экзистенциальное понятие мирности [Weltlichkeit]. Сама мирность модифицируема в то или иное структурное целое отдельных “миров”, но включает в себя априори мирности вообще».

[2] «Будучи-основанием [Grund-seiend] <...> присутствие [Dasein] <...> никогда не экзистентно до своего основания, но всегда только из него и в качестве его. Быть основанием значит поэтому никогда в принципе не владеть самым своим бытием... Будучи основанием, оно само есть ничтожность [Nichtigkeit] самого себя, <...> будучи собой, присутствие есть брошеное сущее как самость [Selbst]» [13, с. 284].

[3] «Если мы его [понимание] интерпретируем как фундаментальный экзистенциал, то тем самым указывается, что этот феномен понимается как основный модус бытия присутствия [Dasein]» [13, с. 143].

Ничтожное основание экзистенции — временность. Временность — это интенциональная структура, описывающая поведение экзистенции посредством наброска. Однако временность является основанием экзистенции, но не бытия вообще. Следовательно, в экзистенциальной аналитике можно предположить и эксплицировать более глубокий онтологический слой фундаментальной онтологии. На эту возможность указывает и выявленное значение одновременности, которое выходит за пределы понятия временности.

Речь о временности Dasein зашла только для того, чтобы акцентировать внимание на её центральном положении в структуре Dasein. Dasein как микромодель бытия вообще с ничтожным основанием во временности предполагает, что системообразующим основанием онтологии более высокого по отношению к ней порядка будет отношение ничто и времени. Время в этом смысле подходит под требование не быть чем-то сущим. У времени нет предмета в мире, но оно все же каким-то образом существует. М. Хайдеггер полагает перспективным и оправданным обратиться к главной проблеме времени — отсутствию какого-либо сущего (предмета) как проблеме онтологического статуса его существования. Исходя из этого, проблемное поле фундаментальной онтологии коренится в особенности отношения бытия и времени (ничто).

Онтологическое различие (дифференция) относится к разряду принципов фундаментальной онтологии, а не экзистенциальной аналитики. Цель главного тезиса статьи заключалась в том, чтобы указать на темпоральность онтологического различия. Фундаментальная онтология взяла начало в идее Dasein как модели своеобразной диалектики бытия и ничто и выявила в основании этой модели некоторую всеобщую интегральную временную метаструктуру, обеспечивающую целостность себя как структуры экзистенции, но также и проявляющую связь с уровнем более высокой онтологической компетенции. Обе эти ключевые функции временной метаструктуры сосредотачиваются в идее одновременности, как это было показано выше. Вместе с понятием одновременности фундаментальная онтология преодолевает проблематику экзистенциальной аналитики и тем самым покидает поле *только лишь* антропологии. Оставаясь связующим звеном двух уровней онтологии, одновременность тем не менее принадлежит к более высокому уровню. Одновременность — собственная характеристика того, что принято называть временем. В приложении к проблеме онтологического различия, можно сказать, что различие между бытием и сущим является продолжением отношения между бытием и сложным феноменом ничто, который происходит по вине времени, впервые вносящего различие. На этом первый аргумент о первостепенной темпоральности онтологического различия завершен.

1. Артеменко Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени») Часть 1. Хайдеггеровская версия феноменологии темпоральности человеческого бытия: вопрос о целости Dasein // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, №1. С. 18—26.

2. Артеменко Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени») Часть 2. Бытие Dasein как временность: проблемные последствия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, №2. С. 79—87.

3. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А. Качалова. М. : Рипол классик : Панглосс, 2020. 348 с.

4. Кудря Л. В. Проблематика самоотчуждения в контексте философской герменевтики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 104—110.

5. Михайлов И.А . Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М. : Прогресс-Традиция : Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.

6. Молчанов В. И. Время и сознание: критика феноменологической философии // Исследования по феноменологии сознания, М., 2007.

7. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М. : Академ.проект, 2015. 277 с.

8. Мотрошилова Н. В. Зачем нужен Гегель? (К вопросу о толковании Хайдеггером гегелевской философии) // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М. : Наука, 1991. С. 161—166.

9. Плотников Н. С. Абсолютный дух и другое начало. Гегель и Хайдеггер. // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 178—184. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/083/363/1223/Plotnikov_Absolyutnyj_duh.pdf (дата обращения: 23. 06. 2020);

10. Рикёр П. Время и рассказ: Интрига и исторический рассказ. Т. 1. М. ; СПб. : Унив. кн., 1998. 313 с.

11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2004. 639 с.

12. Фомин А. Л. Завещание марбургского демона. Предисловие к публикации // Х.-Г. Гадамер. Загадка времени. М. : Восход А, 2016. С. 6—47;

13. Хайдеггер М. Бытие и время, СПб. : Наука, 2006. 452 с.

14. Хайдеггер М. Гегель. СПб. : Владимир Даль, 2015. 320 с.

15. Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности. СПб. : Владимир Даль, 2016. 496 с.

16. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

17. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

18. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.

19. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.

20. Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006. 446 с.

References

1. Artemenko N.A. (2011) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 1, pp. 18—26. [in Rus].

2. Artemenko N.A. (2011) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 2, pp. 79—87. [in Rus].

3. Bodrijjar Zh. (2020) Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva. Moscow, Gruppa kompanij Ripol klassik, Pangloss, 348 p. [in Rus].

4. Kudrja L.V. (2009) *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, no. 101, pp. 104—110. [in Rus].

5. Mihajlov I.A. (1999) Rannij Hajdegger: mezhdu fenomenologiej i filosofiej zhizni. Moscow, Progress-Tradicija, Dom intellektual'noj knigi, 284 p. [in Rus].

6. Molchanov V.I. (2007) Vremja i soznanie: kritika fenomenologicheskoj filosofii // Issledovanija po fenomenologii soznanija, Moscow. [in Rus].

7. Molchanov V.I. (2015) Fenomen prostranstva i proishozhdenie vremeni. Moscow, Akademicheskij proekt, 277 p. [in Rus].

8. Motroshilova N.V. (1991) Filosofija Martina Hajdeggera i sovremennost'. Moscow, Nauka, pp. 161—166. [in Rus].

9. Plotnikov N.S. (1994) *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 178—184. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/083/363/1223/Plotnikov_Absolyutnyj_duh.pdf [in Rus].

10. Rikjor P. (1998) Vremja i rasskaz: Intriga i istoricheskij rasskaz. T. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, 313 p. [in Rus].

11. Sartr Zh.-P. (2004) Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii. Moscow, Respublika, 639 p. [in Rus].

12. Fomin A.L. (2016) Zaveshchanie marburgskogo demona. Predislovie k publikatsii // H.-G. Gadamer. Zagadka vremeni. Moscow, Voshod A, pp. 6—47. [in Rus].

13. Hajdegger M. (2006) Bytie i vremja. St. Petersburg, Nauka, 452 p. [in Rus].

14. Hajdegger M. (2015) Gegel'. St. Petersburg, Vladimir Dal', 320 p. [in Rus].

15. Hajdegger M. (2016) Nemeckij idealizm (Fihte, Shelling, Gegel') i filosofskaja problematika sovremennosti. St. Petersburg, Vladimir Dal', 496 p. [in Rus].

16. Hajdegger M. (2013) Osnovnye ponjatija metafiziki. SPb., Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

17. Hajdegger M. (2001) Osnovnye problemy fenomenologii. St. Petersburg, Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 446 p. [in Rus].

18. Hajdegger M. (1998) Prolegomeny k istorii ponjatija vremeni. Tomsk, Vodolej, 384 p. [in Rus].

19. Chernjakov A.G. (2001) Ontologija vremeni. Bytie i vremja v filosofii Aristotelja, Gusserlja, Hajdeggera. St. Petersburg, Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 460 p. [in Rus].

20. Heidegger M. (2006) Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 446 p. [in Deu].

For citing: Oleinik V.A. Temporal justification of M. Heidegger's ontological differentiation: simultaneity // Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 30—39. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39

UDC 111.1+115+128

TEMPORAL JUSTIFICATION OF M. HEIDEGGER'S ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION: SIMULTANEITY

Varvara A. Oleinik,
Lomonosov Moscow State University,
Post-graduate student of the Department Chair of Philosophy of the Humanities,
Master of Philosophy.
The Russian Federation, 119192,
Moscow, Lomonosovsky Prospect, 27, building 4.
E-mail: varvara994@yandex.ru.

Abstract

Introduction. The article considers the ontological difference as a fundamental idea dividing M. Heidegger's ontology into two levels. The author proposes an explication of temporal foundations for the main principle of fundamental ontology, the ontological difference, on the basis of existential analytics of Dasein. It is assumed that the organization of Dasein is a micromodel of being in general, which is the ultimate goal of M. Heidegger's philosophical work.

The aim of the study is to explicate the phenomenon of simultaneity as the ontological basis of the temporality of Dasein as a result of philosophical analysis, Methods The author uses hermeneutic, phenomenological and some general scientific methods such as analysis, synthesis, and abstraction.

The scientific novelty of the study. When analyzing the self as an existential center of Dasein the author reveals the ontological duality of the first and, as a consequence, of the entire model of existence. The phenomenon of existence towards death is analyzed in the context of existential gap in the centre of the Dasein self, which gives rise to different ways of Dasein being - genuine and non-genuine; the author considers and analyzes the whole structure of the temporal Dasein in the light of the thesis of the human existence finiteness. On the basis of this idea, the key role of simultaneity is revealed, which becomes the ontologically initial concept in relation to the whole Dasein system of being and, accordingly, the fundamental ontology. It is suggested that the ontological difference is based on the more fundamental principle of temporal synthesis.

Results. The author presents a model of Dasein existence structure on the basis of the dual nature of the self, with the simultaneity belonging to the ontologically determining specificity of the organization.

Conclusions. The temporal justification of ontological differences reveals a feature of fundamental ontology, which consists in a specifically transformed dialectic of being and nothing. The study shows that fundamental ontology offers an atypical approach to the problem of time.

Key concepts:
temporality,
ontological difference,
self,
Dasein,
self-reproduction.